

Валерия Исмиева

Отражение философских концептов и метафор Платона в романе-эпосе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец»

VALERIA ISMIEVA

REFLECTIONS OF PLATO'S PHILOSOPHICAL CONCEPTS AND METAPHORS
IN J. R. R. TOLKIEN'S EPIC NOVEL *THE LORD OF THE RINGS*

ABSTRACT. J. R. R. Tolkien's philosophical epic fantasy is a multi-layered metaphorical text that provides rich opportunities for various allusions and interpretations. As a result, it has been repeatedly analyzed from the standpoint of assorted humanities (psychology, religious studies, philology, philosophy). The greatest attention in this article is paid to Tolkien's interpretation of Plato's Allegory of the cave. In the novel, the image of the cave is end-to-end, its main function being the designation and symbolization of the stages in which the main characters (Frodo and his friends, Gandalf, etc.) overcome their own delusions, associated with an increase in their awareness and ethical enthusiasm. The themes of the cave and the magical artifact of Gyges are closely intertwined in Tolkien's discourse, which reinforces the problematization of the unequivocal refusal to seize dominance, and the impossibility of self-knowledge and acceptance of truth without following ethical principles; according to Tolkien's text, failure to understand and maintain this link inevitably leads to tyranny, madness and death. At the same time, the opposition of good and evil in the novel acquires a new shade of the binary opposition of the living and inanimate, the authentic and inauthentic in connection with the interpretation of Sauron's creatures and Sauron himself as kinds of simulacra. There are also other parallels with Plato's texts: the compositional construction of the *Republic* (compared with the beginning and end of the story of Frodo's journey), elements of the vision of Er (in connection with the disappearance and transformation of Gandalf), Gandalf's reasoning in the spirit of Socratic dialogue, and some others; there is also a noteworthy inversion of the metaphor of philosophical journey: for the sake of establishing justice and saving the lives of the inhabitants of Middle-earth, Frodo and the Ring Keepers do not ascend, but descend into the infernal layers of existence, but this is accompanied by their ethical growth. KEYWORDS: Plato's Allegory of the cave, J. R. R. Tolkien, *The Lord of the Rings*, simulacrum, tyranny, ethics.

© В.М. Исмиева (Москва). longway100@yandex.ru. Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 20.1 (2024)

DOI: 10.25985/PI.20.1.14

Всё чаще приходится слышать мнения исследователей культуры о том, что ныне произведения фэнтези — это способ философствования, так как именно в данном кластере художественной литературы предпринимаются наиболее интересные попытки осмысления проблем, отвергнутых по причине «ненаучности» неопозитивистской философией и отданных в ведение религиозной метафизике, психологии и обывательскому любомудрию. Немногие произведения данного жанра, однако, могут претендовать на интересную и многоплановую философичность. В числе этих немногих — роман-эпопея «Властелин колец» Джона Роналда Руэла Толкина, которую уже неоднократно пытались рассматривать в том числе с позиций христианской философии и юнгианства, последним — преимущественно с точки зрения теории архетипов и процесса индивидуации. Данные подходы, на мой взгляд, генетически связаны с учением Платона об эйдосах и с проблематикой гнозиса в платоновских диалогах, но указанными ракурсами наиболее примечательные аспекты рецепции Толкина не исчерпываются. В частности, мы могли бы усмотреть идеи социальной стратификации, почерпнутые в «Государстве» Платона, в репрезентации сообществ Средиземья, причем и с позиции сократической иронии тоже, ибо в понимании автора романа много неоднозначного: например, в какую страну поместить хоббитов? Очевидная незначительность этого народца, обитающего вдали от магистральных полей сражения Средиземья, обманчива. Ведь именно Фродо отчего-то призван осуществить миссию уничтожения Кольца. А страна хоббитов-невысокликков — Шир (точнее, Шайр, в оригинале *Shire*) — названа словом, которое для англичан — одна из точек референции общекультурной английской парадигмы: *Shire* — своего рода символ романтического, природно-загородного, «южного» (и значит, дистанцированного от механистически-промышленного «северного»). С понятием *Shire* связаны консервативные этические и социальные ценности Британии, фундаментальная идеология пра-

вящего класса, в том числе идеология закрытости¹, так что еще вопрос, кто относится в этой парадигме к *stiff upper lip* — гондорцы или же мохнолапые обитатели Шира. Однако такой подход может нас далеко увести от тех аспектов книги, на которых я бы хотела заострить внимание.

Толкин, филолог-полиглот, владевший, в числе полутора десятков языков, древнегреческим, был не по слухам знаком с античной философией, хотя этих своих знаний никогда, насколько удалось выяснить, не афишировал. Стоит иметь в виду, что Платон для английских интеллектуалов — поистине культовый философ, его идеи, но также и методы их изложения (с опорой на разнообразную метафорику, как традиционную, так и изобретенную самим автором, подачу в форме диалектически развивающихся диалогов и т.д.) повлияли на многих ученых, писателей и поэтов XIX–XX вв. В этой связи трудно переоценить воздействие Платонова «Государства»; для автора «Властелина Колец», возможно, он стал своего рода имплицитным ориентиром, нигде напрямую им не упомянутым, в то время как идеи христианства Толкин позиционировал открыто.

Среди наиболее знаменитых и значимых идей, которые обыграны в толкиновском тексте, — так называемая метафора пещеры из седьмой книги «Государства». В некоторых аспектах весь роман «Властелин колец» можно было бы рассматривать как своего рода развернутую метафору или метаметафору платоновской пещеры, точнее — как интерпретацию Толкиным некоторых ее аспектов, связанную, как и в рассказе Сократа, с процессом познания и самопознания и решением этических вопросов. Отметим также, что смешение литературных жанров (мифологии, поэзии, эпоса, риторики, философии и некоторых других) в тексте Толкина напоминает о жанровом полиморфизме диалогов Платона.

С точки зрения композиции «зачин» «Властелина Колец» заставляет вспомнить, с чего начинается диалог Платона «Государство»: Сократ рассказывает о том, как вместе с Главконом посетил

¹ Караваева 2019: 120.

Пирей, чтобы посмотреть, как будут справлять праздник в честь богини и отметив некоторые подробности, а после праздника, помолвившись и насмотревшись, они отправляются обратно в город (R. 327a); свое повествование о странствии хоббита Фродо Толкин тоже начинает с праздника (по случаю дня рождения Бильбо и его племянника, обе даты объединены): именно это событие знаменует начало истории странствия главного героя.

Конгруэнтности экспозиции текстов вторит и финал. В последней книге «Государства» мы читаем о загробном видении Эра, подводящем итог рассуждениям о справедливости и воздаянии, и о воде забвения, которую выпивают все, кому суждено вновь воплотиться; землетрясение разбрасывает их в разные стороны, а Эр приходит в себя (R. 621ab). В романе все участники завершающих третью эпоху событий возвращаются каждый в свой «социальный» мир и/или получают справедливое воздаяние. Несколько главных положительных героев отправляются в заморскую «райскую» страну, Валинор, свободную от течения времени и зла, а хоббиты, обитатели Шира, быстро забывают о Фродо, его подвиге и потрясениях, связанных с его миссией: все, за исключением Сэма. Толкин, таким образом, задает структурное соответствие путешествия и возвращения (у Платона метафорического, у Толкина — буквального, но не только); внешне по подобной же кольцевой схеме ранее строилось и путешествие Бильбо в «Хоббите».

Важно отметить, что семантически параллель с диалогом «Государство» и метафорой пещеры, к которой я буду обращаться, не прямолинейна. Во-первых, Фродо отправляется точно не за философским знанием: по крайней мере, он так думает; основная его цель поначалу — спасти Шир от опасного артефакта. Получается, что Фродо не философ? Гэндальф говорит Фродо, что тот избран не за силу (или могущество) и не за мудрость, так как ни силы (могущества), ни мудрости у него нет:

‘You may be sure that it was not for any merit that others do not possess: not for power or wisdom, at any rate. But you have been chosen, and you must therefore use such strength and heart and wits as you have.’

«Ты можешь быть уверен, что не за заслуги, которых нет у других, в любом случае не за силу и не за мудрость. Но ты избран, а потому должен приложить и силы, и чувства, и умения, какие у тебя есть»².

В этих словах Гэндальфа (об отсутствии у него мудрости хоббит признается первым), однако, — не отрицание возможности для Фродо стать мудрым, но, скорее, наоборот: ведь и античный философ устами ли Пифагора (я не мудрец, я лишь любитель мудрости), устами ли Сократа (я-то знаю, что ничего не знаю) заявляет о том, что не обладает мудростью (Pl. *Ap.* 21b, 23b), но лишь стремится к ней. С другой же стороны, если говорить о гносеологическом подтексте, то скорее путешествие Фродо можно назвать экзистенциальным: Фродо не стал искушеннее ни в делах управления государством, ни в понимании онтологии, но, по словам Сарумана, которого трудно заподозрить в доброжелательности к хоббиту, сделался мудрым:

‘You have grown, Halfling,’ he said. ‘Yes, you have grown very much. You are wise, and cruel.’

«Да, ты и вправду вырос, невысоклик, — сказал он. — Да, ты очень вырос. Ты мудрый и жестокий»³.

Во-вторых, последовательность проходимых героями романа стадий познания в сравнении с Платоновой метафорой инвертирована. Путешествие Фродо — это не анабасис, а катабасис. Даже в каком-то смысле *vékuia*: Хранители отправляются в Мордор, царство Тьмы и Смерти (название, придуманное Толкиным, семантически связано и с латинским корнем, и с французским, означающим смерть), из которого над Средиземьем простерлась *тьнь*, с целью уничтожить Кольцо (решающее условие победы над Сауроном): по мере их продвижения к цели дни становятся всё более тусклыми, а у границы Мордора превращаются в мглистый сумрак и ночную тьму, озаряемую вспышками красноватого пламени Ородруина: Мордор, таким образом, — это мега-метафора самого первого, «непросветленного» уровня Пещеры.

² Tolkien 2005: 61.

³ Tolkien 2005: 1019.

Выполнение поставленной перед Хранителями задачи — уничтожение Кольца и вместе с ним Царства Тьмы, если понадобится, и ценой самопожертвования, — переосмысление деяния, которое Платон предписывал философам, приобщившимся к полноте познания: нужно вернуться в пещеру и освободить от плена остальных (живых), поведав им о своем опыте постижения идей и пути, ведущем к высшему благу (R. 519d, 520bc). Тем самым акт спасения Средиземья от Саурана можно рассматривать и как акт гносеологического высвобождения сознания из-под власти тьмы невежества.

Обратимся теперь к последовательности развертывания Толкином метафоры пещеры. Исследователями и до меня отмечалась сюжетная параллель истории с кольцом у Толкина и рассказа Главкона, брата Платона, во второй книге «Государства» о Гиге, нашедшем волшебное кольцо⁴. Примечательно, что находка Гига происходит после землетрясения в пещере (расселине), где он снимает кольцо с пальца мертвого гиганта (R. 359e). Отметим, что в античности гигантом таким мог быть, вероятнее всего, титан, то есть существо, причастное к более раннему, чем олимпийцы, поколению богов; у Толкина же Исилдур, снявший кольцо с отрубленного им пальца Саурана, — герой второй эпохи, к ней же относится и упомянутое событие, в то время как действие «Властелина Колец» происходит в третьей. Рассказ Главкона о дальнейших действиях Гига служит иллюстрацией к проблеме нравственного выбора: станет ли любой человек пользоваться возможностями, которые дает волшебное кольцо, ради достижения своекорыстных целей и как далеко он может зайти (R. 360a–d).

Проводя параллель с этим рассказом, толкинисты справедливо указывают на способность становиться невидимым, которую испытывают на себе невысоклики, связанные с судьбой кольца, но забывают о Сауроне, который тоже пребывает невидимым для читателя и персонажей в своем Мордоре (надев магическое Кольцо, можно *почувствовать* близкое соприсутствие его создателя

⁴ Ср. Cox 1984: 54, 55; De Armas 1994: 122; конечно, этим мифологические источники истории далеко не исчерпываются (Hoppegger 2021: 19).

и увидеть его метафизический *глаз*), но в романе Толкин ни разу не «показывает» нам Саурона как такового.

Мы помним, что в ответ Главкону и Адиманту Сократ предлагает предварить разговор о частной справедливости, свойственной отдельному человеку, исследованием «большой справедливости», которую легче усмотреть, рассуждая о государстве в целом (R. 368de). Сходный прием использует и Толкин, вовлекая в историю о Кольце народы всего Средиземья. В центре же эпопеи о Кольцах Власти (*Rings of Power*) — перипетии, связанные с нравственными выборами «владельцев»/хранителей главного Кольца и теми, кто жаждет его заполучить.

Как для платоновского Сократа знание невозможно без добродетели (лукавый невежественный ум, пренебрегая истиной, исказит знание ради узко понимаемой «пользы», однако добродетели можно научиться), так и в каждом испытании персонажей Толкина они выходят на новый уровень самопознания, что происходит при очередном моральном выборе и следовании этому выбору до очередной реперной точки.

Вторая сократической традиции, полагающей необходимым исследовать все возможные варианты, прежде чем вынести суждение, персонажи Толкина рассматривают вероятности безопасного владения магическим кольцом: изначально таких колец было 19: 3 эльфийских, 7 гномьих, 9 досталось людям, но втайне было выковано еще одно — главное — Кольцо Всевластия. Ко времени действия романа люди, владевшие кольцами, превратились в призраков — служителей главного Кольца, гномьи кольца сгнули, но 3 эльфийских остались у их хранителей, поскольку эльфы не подвержены воздействию темных сил, вложенных в главное Кольцо Саурона. Эльфийка Галадриэль полагает, что могла бы владеть и главным Кольцом, не превращаясь в Темную Владычицу, но, по ее мнению, тогда она перестала бы быть и самой собой, став не светлой, но и *не темной*, грозной правительницей, поэтому она отказывается от кольца. Сходными мотивами руководствуется в своем выборе и Гэндальф, хотя именно для этих

двоих Кольцо могло бы служить подспорьем в заботах о Средиземье. Но даже им, по их собственному признанию, не под силу справиться со злой силой главного Кольца⁵.

В рассказе о создании Кольца Всевластья возникает некоторая параллель с гностическими идеями. Именно эльфы выковывали магические кольца, Саурон же присоединился к ним и искажил изначальный замысел, подобно тому как при сотворении мира, согласно толкиновской мифологии, Мелькор вплеп во всеобщую песнь, начатую Илуватаром, свою злую волю к самовластью и искажил первоначальный замысел (об этом повествует «Сильмариллион», литературный приквел «Властелина колец»). В предыстории, оставшейся за рамками повествования «Властелина Колец», мир творцов-валаров — это своего рода мир неоплатонических плером, а претензии Мелькора (и затем Саурона) на демиургию вызывают аллюзии на дурного архонта гностических текстов.

Следующий вопрос, который соотносит толкиновскую эпопею с другой идеей Платона — не является ли Мелькор для Саурона своего рода прототипом-эйдосом злого носителя воли к власти, по отношению к которому он всего лишь копия, о чем говорит в романе и Гэндальф? Вернее будет сказать, что Мелькор — предельное искажение эйдоса Творца (мира), его тень и антипод. В таком варианте Саурон в своей претензии на главенство над миром является симулякром, и в платоновском смысле, и в бодррийеровском, поскольку он копирует то, что не существует. И здесь открывается перспектива возникновения множющихся симулякров. Тенью Саурона, его симулякром и «слабой» копией стано-

⁵ Здесь хотелось бы упомянуть и о смысловых оттенках: *Rings of Power* можно перевести и как «кольца власти», и как «кольца мощи/силы». Нет ли в такой вариативности истолкования рефлексии на ницшеанское понятие *Wille zur Macht* и его двусмысленность, исчезающую в традиционном переводе «воля к власти», хотя возможен и вариант перевода «воля к мощи». Понимание этой двусмысленности предлагает вариант объяснения, зачем магические кольца понадобились эльфам, ведь эльфы, их создававшие, изначально не заинтересованы во власти как таковой, их кольца нужны им для охранительной и творческой магии, для которой не нужна невидимость, она есть только у Кольца Всевластья (или всемогущества).

вится Саруман, первоначально обладавший собственной волей член Светлого Совета; его выбор обусловлен жадной властью и иллюзиями непобедимости владыки Мордора, наведенными магическим шаром, Палантиром. Последний создавался некогда как предназначенный для благих целей «зрячий камень», дающий неискаженное знание об отдаленных объектах, но, будучи подчиненным злой воле Саурона, являет еще один способ навязывания недоверенного знания (он не показывает полной картины, демонстрируя смотрящему на него лишь то, что выгодно Темному Властелину). В связи с темой Палантира отметим, что этически стойкому Арагорну удастся противостоять могущественной воле Саурона, вложенной в Палантир: не владыка Мордора, но он сам навязывает ему свою волю, не позволяя подчинить разум и навести вселяющие чувство безнадежности видения.

О Сарумане Фродо в финале говорит:

‘He was great once, of a noble kind that we should not dare to raise our hands against. He is fallen, and his cure is beyond us; but I would still spare him, in the hope that he may find it.’

«Некогда он был великим, из благородных, на которых мы не должны осмеливаться поднимать руку. Теперь он падший, и излечить его свыше наших сил; но я всё же сохранил бы его в надежде, что он может обрести это снова»⁶.

Тем самым он отмечает возможность для Сарумана нравственного выздоровления и приобщения к неискаженному знанию. Однако Саруман воспринимает такое суждение инверсивно — не как милосердие и оставленную ему счастливую возможность, но как проявление крайней жестокости, констатацию его, Сарумана, проигрыша и невыносимый приговор — необратимую утрату власти.

Итак, будучи сам копией копии, Саурон-симулякр не может создать подлинно живого и, продуцируя несметные полчища зла, штампует своего рода тени взамен живого, орды зомби или автоматов. В таком контексте традиционное истолкование магистрального сюжета романа — борьба между добром и злом — при-

⁶ Tolkien 2005: 1019.

нимает иной оттенок: это борьба живого с мертвым, пытающимся подменить/заместить собой жизнь (атрибуты смерти появляются всякий раз, как перед Хранителями возникает необходимость выбора). Изначально главные воины Саурана, орки, — это порченые чародейством и пытками эльфы; однако последующее размножение их орд, вероятно, искусственное — если и не как гомункулов, то каким-то иным «лабораторным» способом, позволяющим программировать и поддерживать в них, наделенных разумом, полное отсутствие возможности постигать умом что-то, что не предусмотрено «программой» их повелителя. Не случайно в книге нет орков женского пола и ничего не говорится об их естественном размножении.

Закономерно поэтому, что в финале, когда Кольцо Всевластья гибнет в кратере Роковой Горы, полчища орков и союзников Саурана рассеиваются и теряют свою жизнеспособность, точно отключенные от источника питания и командного центра работы, а Черные Всадники в буквальном смысле исчезают, как тени. Тем самым знаменуется освобождение/метафорический выход из пещеры — не отдельного узника, а всего мира Средиземья. С темой финальной битвы как выхода из тьмы пещеры связаны и другие эпизоды, поддерживающие основной лейтмотив. Так, Арагорн призывает призрачное войско *предателей*, запертое в пещере и ожидающее прихода короля, потомка Исилдура, чтобы исполнить долг служения, искупить предательство и обрести покой: это *тени* — призраки людей, не нашедших упокоения в физической смерти.

Теперь, наконец, проследим, в каком контексте тема пещеры появляется у Толкина в связи с историей главных героев.

В тексте «Государства» Платона идея пещеры напрямую заявлена дважды: история находки Гига рассказана Главконом во второй книге, а в седьмой разворачивается в концептуальном рассказе-метафоре гнозиса Сократом: семя брошено, появление ростков готовится и проявляется позже. Пещера у Платона — исходный этап познания, знак состояния полного неведения/невежества, в котором узник (пока еще) лишен возможно-

сти какого-либо объективного знания, будучи принуждаем смотреть на тени (R. 514a–515b). Через метафору пещеры Толкин в единый символический узел стягивает представления о несправедливой и несправедливой власти как стремлении подчинить себе сущее и узурпировать над ним господство не по праву (кража, обман, предательство), невежестве (как сознательном отказе от выхода за пределы ограничений восприятия мира, сведения его к принудительной дихотомии власть-подчинение) и смерти (как и кольцо Гига, Кольцо Власти принадлежало мертвому и миру мертвых, хтоническому в прямом и в метафорическом смысле). Но если у Платона тема иллюзорных теней на стене пещеры, не упоминаясь, семантически присутствует на всех уровнях диалога как антитеза знания, то у Толкина она возникает на каждом этапе испытания как предостерегающий рефрен, всякий раз принимая всё более устрашающие черты.

Перенесем взгляд на картографию, связанную с путешествием отряда Хранителей, а также и на семантику имен и названий в хронологическом порядке.

Первым владельцем кольца после Исилдура, добывшего кольцо в битве с Черным Властелином, стал Смеагол (позднее Голлум). Имя Смеагол происходит от древнеанглийского *smugel* ‘нора, место, куда вползают’; то же семантическое значение Толкин использовал в слове *smial*, которым хоббиты называли свои наиболее крупные норы⁷. Более отдаленно имя Смеагол также связано с именем дракона Смауга, которое является формой прошедшего времени прагерманского глагола *smigan* ‘протискиваться в дыру’, как объяснял Толкин в одном из своих интервью⁸. Смеагол убивает своего брата ради обладания Кольцом, а затем превращается в долгоживущего добровольного узника пещеры, Голлума⁹.

Именно в пещере Голлума под горой находит Кольцо и Бильбо («Хоббит»), причем он остается «хозяином» Кольца после спора

⁷ Hammond, Scull 2005: 27, 86.

⁸ Карпентер, Толкин 2019: 47.

⁹ «Обладание кольцом сначала приводит его к убийству, отделяет его от общества и загоняет под землю» (Nagy 2007: 246).

с его прежним владельцем при помощи уловки — не предательства и убийства, но сомнительного трюка.

Первый шаг к уничтожению Кольца, как уже говорилось, связан с Широм. Нора, в которой живут Бильбо и Фродо, находится на горе, название этого «поместья» — *Hill at Bag End* — переводят на русский язык по-разному (например, «Торба-на-Круче»), дословно же оно означает «Гора на конце мешка», тем самым общая семантика сохраняется.

По пути к Мордору виды пещеры меняются, всякий раз маркируя по нарастающей всё более трудную ситуацию, погружающую персонажей во всё более тяжелые слои материи и почти буквально, физически утяжеляя выбор, требуя ментального и волевого преодоления тяготы злой воли создателя Кольца. Образы горы и пещеры в эпосе Толкина всегда неразрывно связаны. Если есть гора — непременно там будет и пещера или что-то подобное. С каждой новой ступенью катабасиса возрастает физический масштаб/тягота препятствия. При этом размеры горы можно соотнести не только с метафизикой погружения в нагромождения материи; высота гор может быть истолкована и как возрастающий уровень сознания героев, их решимости.

Так, *хоббитская нора* — это своего рода игрушечная пещера, и таков же «игрушечный» взгляд на мир у обитателей Шира, нежелающих выбираться за пределы своего уютного края, за исключением Бильбо, успевшего повидать мир в силу своего беспокойного характера, и мечтателя Фродо. Сомасштабно обстановке — нелегко, но не долго и не слишком мучительно — происходит и отказ Бильбо от Кольца, которое он оставляет племяннику¹⁰.

Фродо, назначенный хранителем страшного артефакта, вместе с друзьями поначалу отправляется в *Crickhollow* (букв. 'ручья-ложбина/полость') — еще одна отсылка к норе (или расселине, пещере), откуда ему придется тайно бежать, спасаясь от Черных Всадников. На этом этапе семантическая связь с пещерой Плато-

¹⁰ Сцена с попыткой Бильбо удержать Кольцо при себе происходит ночью, усиливая «хтоничность» и тьму, которой окутано магическое Кольцо.

на символизируется и тем, что Черные Всадники похожи на *тени*, поскольку давно стали бесплотными призраками¹¹; возникает коннотация с Платоновой метафорой души: в физическом мире всадники мертвы, но их *черные кони* настоящие.

По дороге к пограничному городу Фродо и его компания едва не погибают сначала в расселине ствола старого вяза, а затем в подземной пещере под курганом, где обитает призрачная нежить. На втором этапе этого приключения хоббитов спасает отвага Фродо и вовремя пришедший на помощь Том Бомбадил — хозяин древнего леса.

Отметим, что по мере преодоления ужасов пещеры Хранителям открываются всё более благие локусы и герои, над которыми не властна тьма. Так, дом Бомбадила — настоящий райский уголок первозданного мира, а он сам и его жена-эльфийка — существа, причастные эйдетической незамутненности первой эпохи Средиземья; оба не ведают искусов Кольца, что подчеркивается их равнодушием к нему и знаковыми деталями: имя супруги Тома *Goldberry* (в переводе Золотинка) указывает на связь с Солнцем — оно буквально значит «Золотая ягода» (золото — древний символ Солнца)¹². Том же постоянно распевает песни, как это делал в процессе творения мира Средиземья Илуватар. В ответ на вопрос Фродо, кто такой Том, не владелец ли он леса, Золотинка хмурится и отвечает, что Том именно *хозяин* — то есть он хозяйствует в лесу, заботится о нем, а власть, говорит она, была бы утомительна и неприятна.

Следующая встреча с пещерой ждет пополнившийся отряд путешественников-хранителей, составивших «братство Кольца» и покинувших уютный эльфийский Ривенделл, в Мории. Это настоящая подгорная страна, над которой возвышаются заснеженные кряжи и пики. Поначалу отряд под предводительством Гэндальфа пытается избежать спуска в Морию и штурмует горный

¹¹ Семантика теневых персонажей как не наделенных самостоятельным бытием отмечалась исследователями (Pearce 2007: 118).

¹² Этот «женский образ — чистый, самодостаточный, знаковый для окружающего мира и мудрый» (Hesser 2007: 245).

перевал, но вынужден пойти подземным путем (характерно, что в Морию ведут врата, открывающиеся под действием заклинания «Друг», произнесенного по-эльфийски). Мория — страна с бесконечными подземными тоннелями, шахтами и громадными залами, что символизирует запутанность выбора и спутанность мыслей; отыскать верный путь трудно из-за того, что по сути это многоуровневый лабиринт, погруженный во мрак, поэтому выбором маршрута занимается по преимуществу маг Гэндальф, уже и прежде там бывавший и обладающий к тому же светящимся посохом. В Мории же выясняется, что храбрые гномы, на поддержку которых он рассчитывал, погибли, пытаясь вернуть своему народу Подгорное царство с его сокровищами: самая прекрасная пещера способна погубить тех, кто прежде был причастен более высоким сферам и перестал помнить о них.

Стоит учесть, что *μωρία* по-древнегречески — ‘глупость, нелепость, безумие’. Перед опасной дорогой, когда в ходе дискуссии на совете в Ривенделле определяется стратегия по спасению Средиземья и намечается путь отряда Хранителей, рассуждения Гэндальфа (речи которого вообще стоит читать в оригинале, чтобы оценить ход его мыслей и более богатые оттенки смысла, исчезающие в большинстве переводов) весьма напоминают стилистику сократического диалога Платона из «Апологии Сократа»:

‘That is the path of despair. Of folly I would say, if the long wisdom of Elrond did not forbid me.’

‘Despair, or folly?’ said Gandalf. ‘It is not despair, for despair is only for those who see the end beyond all doubt. We do not. It is wisdom to recognize necessity, when all other courses have been weighed, though as folly it may appear to those who cling to false hope.’

«Это путь отчаяния. Или безумия, сказал бы я, если бы не мудрость Эльронда».

«Отчаяние или безумие? — сказал Гэндальф. — Это не отчаяние: отчаиваются лишь те, кто видит свой неизбежный конец. Мы не отчаиваемся. Мудрость в том, чтобы распознать необходимость, когда взвешены все другие пути, хотя тем, кто цепляется за фальшивую надежду, эта мудрость может показаться безумием»¹³.

¹³ Tolkien 2005: 269.

В связи с Морией вспоминается и старинный архетип европейской литературы из «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского, где госпожа Глупость именуется Морией; в Лориэне Келеборн не случайно говорит, что если Гэндальф решил идти в Морию, то он, вероятно, был безумен. Игру слов продолжает семантическая связь с другим греческим словом — *μόριον*, что означает ‘часть, частица’ и, возможно, намекает на таящуюся в Мории главную опасность — быть разделенными на части, то есть отряд распадется или недосчитается участников; или же на опасность заблудиться в разрозненных путях, бесконечных ответвлениях лабиринтов, уводящих от выхода: на этот раз пещеру требуется пройти насквозь. Обратим внимание и на общий со словом «Мория» корень в слове «Мордор». Семантически, как уже отмечалось, с ними связано и слово смерть (*mors* по-латыни, *mort* по-французски).

Так как Мория противоположна мудрости и таит опасность безумия и смерти, испытание Морией — вызов, несущий наибольшую опасность именно Гэндальфу, самому мудрому из всех Хранителей. Лишь ему оказывается под силу сразиться с древним хтоническим чудовищем Подгорной страны гигантом Барлогом, персонифицированной опасностью Мории — безумия и смерти: он видится всем громадной черной *теневогой фигурой* с гигантскими крыльями, которые он, однако, тщетно пытается сомкнуть над головой мага.

Гэндальф жертвует собой ради того, чтобы остальные хранители исполнили свою миссию. В истории с «гибелью» Гэндальфа — вызов остальным Хранителям: продолжить начатое, лишившись мудрого руководителя. Рассказ Гэндальфа во второй книге эпopeи о том, что с ним произошло, после того как он попал на «дно мира», куда Барлог утащил его за собой, напоминает еще одно место в Платоновом «Государстве», а именно упомянутое видение Эра из X книги: в начале рассказа о нем мы опять встречаемся с топосом пещеры. Согласно рассказу Эра, его душа по выходе из тела отправилась к какому-то «божественному» месту, где в земле находились вблизи друг от друга две *расселины*, и еще две в небе (R. 614bc).

Согласно мифу Платона, Эр живым попал в загробный мир человеческих душ по воле богов, а затем был возвращен миру живых, чтобы поведать об увиденном и, в частности, — об устройстве высших сфер, управляющих и делами людей. Гэндальф же рассказывает:

‘Then darkness took me, and I strayed out of thought and time, and I wandered far on roads that I will not tell.

Naked I was sent back — for a brief time, until my task is done. And naked I lay upon the mountain-top. (...) There I lay staring upward, while the stars wheeled over, and each day was as long as a life-age of the earth. Faint to my ears came the gathered rumour of all lands: the springing and the dying, the song and the weeping, and the slow everlasting groan of over-burdened stone.’

«Затем тьма поглотила меня, и я выпал за пределы мысли и времени, и скитался по дальним путям, о которых не расскажу.

Нагим я был возвращен — на краткое время, пока моя задача не будет завершена. И нагим я лежал на вершине горы. (...) Там я лежал, созерцая выси, в то время как звезды совершали круговорот, и каждый день был столь же долгод, как целая эпоха земной жизни. До моих ушей слабо доносился всеобщий ропот со всех земель: зарождения и умирания, песни и плачи, и медленный вековечный стон перегруженного камня»¹⁴.

Примечательны слова о столах перегруженного тяготой камня (семантики тяготы камней мы уже касались, возвращенный же Гэндальф говорит, что ныне он сам стал легче перышка). Важно и то, что победа над Барлогом совершилась на самой вершине мира, под лучами ослепительно жгучего солнца. Таким образом, история возвращения старого мага в преображенном облике, в сияющих белых одеждах (характерно, что поначалу этого нового Гэндальфа Белого Гимли, Леголас и Арагорн видят как яркое свечение), неуязвимого для земного оружия, символизирует приближенность Гэндальфа к «солнечному» уровню сознания. Этот новый Гэндальф уверенно действует, и окружающим кажется, что одной волей он теперь преодолевает расстояния и трудности, преображая само тяготение материи, подчиняя пространство-время.

¹⁴ Tolkien 2005: 502.

Благословенный Лориен, куда хранители приходят, преодолев страшное испытание Морией, — осколок древнего мира, сохранившийся в неподвластной времени эйдетической красоте. Он не только приносит спасшимся награду передышки и созерцания красоты, не затронутой злом и разложением, но и дальнейшее прояснение этических позиций, чему содействует владычица Лориэна Галадриэль. Встреча с эйдетическим под силу мудрым, не самонадеянным, умеющим справиться со своим своеобразием, как это явствует из «Федра» (*Phdr.* 246b–e) и «Государства» (*R.* 517bc, 519b), что не вполне удастся Боромиру, старшему сыну наместника Гондора. В глазах Боромира он и Арагорн, прямой наследник гондорских королей, — соперники. Внешне они выглядят едва ли не антиподами: изможденный годами скитаний Странник в драном плаще (Арагорн) и величавый, самоуверенный богатырь, облаченный в дорогие доспехи (Боромир); первый смирен, не демонстрирует своего величия, второй, напротив, выставляет доблесть и знатность напоказ. Можно было бы сказать, что в душевном укладе Арагорна, согласно метафоре Платона, властвует возничий (ум), в Боромировом — белый конь (гордость, властность, провоцируемая Кольцом), что в конечном счете стоит Боромиру жизни и приводит к распаду отряда (ср. *Phdr.* 253de).

Следующий вариант пещеры — тоннель на перевале Кирит-Унгол, через который Фродо и Сэм пытаются пробраться в Мордор под предводительством Голлума. Кирит-Унгол не столь велик, как Мория, но его мрачный лабиринт затянут отвратительной паутиной, сотканной чудовищной Шелоб, и полон останков живых существ. Логово Шелоб искушает отказом от какого-либо активного действия. Испытание в Кирит-Унголе позволяет проявиться в полной мере скрытым до времени в негероическом Сэме свойствам героя, ранее, как казалось, присущим одному Фродо: прежде мы знали его как не очень умного, хотя с практической сметкой, искренне преданного своему хозяину по дружеской любви, а не из-за какой-то иной причины, но совсем непригодного к решению сложных задач; в пещере Кирит-Унгола Сэм являет высшую доблесть, яростно сражаясь с Шелоб и, даже надев

Кольцо, не утрачивает ясность сознания и отвагу. Характерно, что его *тень* отпугивает орков, представляясь им тенью исполина, но сам он неукоснительно следует здравому смыслу, не поддаваясь искушениям Кольца.

Для Толкина очень важны пары персонажей как взаимные отражения эйдетических свойств, внешних и скрытых, причем наибольшее визуальное эйдетическое соответствие/несоответствие может обернуться иллюзией, как в паре Боромир – Арагорн, Саруман – Гэндальф и т.д., когда сокрытый, более высокий эйдос душевной красоты до поры не проявляется в вовсе «негероическом» персонаже: таковы Пиппин, Мерри, Сэм, конунг Теоден, Фарамир. Проявление ранее не замечаемого и нецененного может в последний момент поколебать представление, уже многократно подтвержденное прежде. Как, например, происходит в сцене у жерла Роковой Горы.

Финальный аккорд метафорического катасиса Сэма и Фродо, но шире — и всех Хранителей, совершивших свой вариант гносеологического путешествия, — развязка отношений дихотомичной пары Фродо-Голлум в *пещере* Ородруина. Здесь окончательный и по преимуществу христианский ответ на вопрос, можно ли подвергнуться искушению и остаться духовно невредимым, долгое время владея могущественным средством силы и власти, и что может стать спасением в итоге такой безнадежной, как оказывается, ситуации. Даже будучи удивительно стойким и смиренным, нельзя рассчитывать на неуязвимость души (сократический рефрен знания своего незнания здесь как нельзя более красноречив). И попытка Фродо присвоить себе Кольцо оканчивается неудачей не из-за его слабосильности, но в силу обладания душевными качествами, недоступными пониманию беспощадного создателя Кольца. Благодаря им Фродо ранее и совершил верный моральный выбор. Дело ведь не только в изначальной решимости спасти Шир, а затем и весь мир Средиземья, от надвигающейся опасности. Фродо сохранил жизнь Голлumu (существу, далекому от добродетелей и какого-либо знания их ценности в силу парабощенности Кольцом) из жалости, не только не поддавшись

страху лишиться Кольца, но и вопреки пониманию справедливости как воздаяния за зло по принципу «око за око» (христианский мотив, но семантически связанный и с сократической традицией, так как учитель Платона истолковывает подверженность дурным страстям и невежеству как болезнь души, и точно так же рассуждает и Гэндальф). Такой выбор не свершил бы вознамерившийся стать тираном. Сострадание, таким образом, оказывается проявлением мудрости, способной в злобе и подлости увидеть болезнь и попытаться эту болезнь исцелить, чем и занимается — правда, безуспешно — Фродо во время похода в Мордор, об этом же говорит в своих наставлениях перед путешествием Фродо Гэндальф:

‘Many that live deserve death. And some that die deserve life. Can you give it to them? Then do not be too eager to deal out death in judgement. For even the very wise cannot see all ends. I have not much hope that Gollum can be cured before he dies, but there is a chance of it. And he is bound up with the fate of the Ring. My heart tells me that he has some part to play yet, for good or ill, before the end; and when that comes, the pity of Bilbo may rule the fate of many — yours not least.’

«Многие из живущих заслуживают смерти. А некоторые из тех, что погибли, заслуживают жизни. Ты можешь им ее дать? В таком случае не стремись столь страстно осуждать их на смерть. Потому что и очень мудрый не способен усмотреть все возможные итоги. У меня нет особой надежды на то, что Голлум сможет исцелиться раньше, чем погибнет, но шанс на это есть. И он связан с судьбой Кольца. Мое сердце подсказывает мне, что ему еще предстоит сыграть какую-то роль, хорошую или дурную, прежде чем наступит конец; и когда этот конец придет, та самая жалость Бильбо, возможно, решит судьбу многих и твою не в последнюю очередь»¹⁵.

Эти слова Гэндальфа настраивают Фродо на более критический лад к собственным незрелым интенциям, что в итоге спасает всех. Таким образом, то, что Голлум играет в сюжете роль джокера или трикстера, без которого не обойтись героям (как асам из Эдды без Локи, приводящего, однако, своими поступками мир

¹⁵ Tolkien 2005: 59.

к Рагнарёку), — скорее видимость, а его благая роль обусловлена не тем, что он, как полагают некоторые исследователи, не идеальный, но всё же полезный в обществе герой¹⁶, а благими выборами и поступками Фродо. Благодаря им Голлум ненамеренно и завершает то, на что у самого Фродо уже не хватает моральных сил.

Знаково, что хоббитам — уже после всех сражений и перипетий — приходится отстаивать от Сарумана и его приспешников орков и свой родной Шир. Еще один, финальный вариант преодоления темной власти пещеры разыгран не без аристофановской иронии: недобитый Саруман устраивает в мирном Шире зловую и беспощадную тиранию, особенно отвратительную тем, что, уродуя Шир, как ранее прилежавшие к его собственному замку земли, и вырубив плодовые деревья, на их месте Саруман воздвигает омерзительные бараки и налаживает заводское производство, затаиваясь, как и Саурон, в охраняемом жилище и недоступный для лицезрения никому, кроме особо избранных. И это в пору, когда во всех сообществах Средиземья восстановлена монархическая власть, идеальный платоновский вариант правления, прекрасный и в глазах автора романа. Свержение тирании завершается смертью Сарумана от руки собственного слуги-раба Гримы. В последнем событии можно усмотреть и своего рода инвертированный парафраз на историю отношений Фродо и Голлума.

В эпилоге несколько Хранителей получают возможность обрести вечную жизнь в идеальном мире Валинора, который является эйдосом Средиземья; в Валинор отправляются те, чьи дела были связаны с третьей эпохой и достойно завершились: Гэндальф, Галадриэль и ее супруг Келеборн, Элронд, а также невысоклики-полурослики Бильбо и Фродо: сознания этих двоих готовы воспринять эту иную — более высокую — реальность. Характерно, что Саруман, злобствуя, говорит, что отплывающие в Валинор взойдут на корабль как *тени* — инверсия картины мира в сознании завистливого властолюбца. Саруман в какой-то степени являет аналогию с тем персонажем из видения Эра, который был

¹⁶ Arthur 1991: 25.

в земной жизни праведным в силу обстоятельств (Саруман возглавлял Светлый Совет до искушения Палантиром), но в следующем воплощении, как только представилась возможность, выбрал судьбу тирана (R. 619b–d).

Подводя итог нашему расследованию, подчеркнем, что образ пещеры очевидно сквозной для всего романа, и основной его философский смысл — маркирование этапов преодоления собственных заблуждений главными героями, возрастания их осознанности и этического энтузиазма. При этом темы пещеры и истории Гига в толкиновской интерпретации тесно переплетаются, усиливая понимание трудности отказа от претензий на господство и невозможность получения доступа к знанию/самопознанию без следования этическим императивам; согласно тексту Толкина, отсутствие понимания этой связи неизбежно приводит к тирании и гибели. Причем бинарная оппозиция добро-зло приобретает в романе новый оттенок живое-неживое, подлинное-неподлинное в связи с трактовкой Саурона и его созданий как симулякров. Мы отметили некоторые ассоциации с композиционным построением «Государства» Платона (начало и конец истории путешествия Фродо), инверсию метафоры философского познания как восхождения (ради установления справедливости и спасения жизней обитателей Средиземья Фродо и Хранители Кольца совершают нисхождение в inferнальные слои бытия, однако это сопровождается их этическим ростом), аллюзию на видение Эра, которая возникает в связи с исчезновением и преображением Гэндальфа и финалом эпопеи; обратили внимание (не занимаясь подробным раскрытием этой интересной особенности) на стилистическое сходство рассуждений Гэндальфа с сократическим диалогом и на некоторые другие детали.

Таким образом, роман «Властелин колец» свидетельствует об универсализме многоуровневых метафор великого афинского философа, а своеобразие их рецепции Толкином позволяет по-новому взглянуть и на платоновский универсум, и на литературу XX века, отметив ее способность сохранять жизненную силу смыслов, заложенных в основание европейской культуры.

Литература

- Караваева, Д.Н. (2019), «Провинция» versus «метрополия», или к вопросу о противостоянии «севера» и «юга» в современном дискурсе идентичностей Англии в Великобритании», in В.Н. Земцов (ред.), *Запад, Восток и Россия: вопросы всеобщей истории*, 119–136. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Карпенгер, Х.; Толкин, К., изд. (2019), *Дж. Р. Р. Толкин. Письма*. Пер. С. Лихачевой. М.: АСТ.
- Arthur, E. (1991), “Above All Shadows Rides the Sun: Gollum as Hero”, *Mythlore* 18.1: 19–27.
- Cox, J. (1984), “Tolkien’s Platonic Fantasy”, *Seven* 5: 53–69.
- De Armas, F.A. (1994), “Gyges’ Ring: Invisibility in Plato, Tolkien, and Lope de Vega”, *Journal of the Fantastic in the Arts* 3.4: 120–138.
- Hammond, W.G.; Scull, C. (2005), *The Lord of the Rings: A Reader’s Companion*. London: HarperCollins.
- Hesser, K. (2007), “Goldberry”, in M.D.C. Drout (ed.), *J. R. R. Tolkien Encyclopedia: Scholarship and Critical Assessment*, 244–246. Routledge.
- Honegger, T. (2021), “‘What have I got in my pocket’ — Tolkien and the Tradition of the Rings of Power”, *Journal of Tolkien Research* 13.1: 1–23. URL: <https://scholar.valpo.edu/journaloftolkienresearch/vol13/iss1/1>
- Morse, R.E. (1980), “Rings of Power in Plato and Tolkien”, *Mythlore* 7.3: 38.
- Nagy, G. (2007), “Gollum”, in M.D.C. Drout (ed.), *J. R. R. Tolkien Encyclopedia: Scholarship and Critical Assessment*, 246–248. Routledge.
- Pearce, J. (2007), “Darkness”, in M.D.C. Drout (ed.), *J. R. R. Tolkien Encyclopedia: Scholarship and Critical Assessment*, 118–119. Routledge.
- Tolkien, J.R.R. (2005), *The Lord of the Rings*. London: HarperCollins.